

Д.Я. Новгородцев, И.С. Пыжев*

**К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ СЕТЕВОЙ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ*****1. Методологические проблемы исследования сетевой организации***

Концепция сетевой организации относится к разряду тех нарождающихся теорий, оплотом которых становится междисциплинарный синтез, в данном случае это союз экономической методологии с категориальным аппаратом социологической системы знаний, адаптируемый к явлениям традиционно экономической реальности.

Классическому утилитаризму в этой ситуации противопоставлен утилитаризм второго порядка: рассматриваются ситуации, когда рационализм индивидов замещается коллективным рационализмом. Индивид перестает быть индивидуалистом – действующим лицом, которое на каждом шагу преследует исключительно свой интерес. В рамках сетевой парадигмы человек действует не только в угоду своим потребностям, но согласен ориентироваться и на коллективный интерес, разделяя определенные коллективные ценности, в том случае, если это послужит более эффективному достижению его индивидуальных целей. Поэтому использование каких-либо одномерных целевых функций не может быть обосновано в данной ситуации ввиду того, что в сетевых взаимодействиях имеет место переплетение уровней индивидуальных и коллективных интересов.

Для всего того, что относится или примыкает к основному неоклассическому течению экономической мысли, такие категории, как коллективный интерес или коллективное действие, – это неопознанные явления. Все, с чем имеет дело неоклассическая экономическая теория, описывая взаимодействие своих индивидов, – это ценовой механизм рынка. Очевидно, что отношения коллективной сопряженности не могут быть редуцированы ни к какому ценовому механизму, и в этой связи возникает необходимость в идентификации иных, традиционно неэкономических факторов, с последующей их интернализацией в интегрированную модель сетевой организации.

На первый взгляд может показаться, что проблема коллективных интересов легко снимается приведением всех действий к конечной эгоистической цели, коллективное действие, в этом случае, можно было бы представить как одно из средств. Но проблема не снимается из-за того, что коллективное взаимодействие порождает феномен иного экономического поведения, не редуцируемого к эгоизму. Дело в том, что эгоизм предполагает автономность действующего, а эта установка идет в разрез с групповой сопряженностью внутрисетевого взаимодействия.

Из-за невозможности тривиального разрешения экономико-социологической (рационально-нормативной) дихотомии концепции социально-сетевого действия отсутствует прямое толкование указанных явлений методами экономического анализа. Требуется комплексный подход к моделированию, основанный на расширенном категориальном аппарате. Разрабатывая рационально-нормативный подход к анализу сетевой организации, сложно рассчитывать на модель, столь же абстрактную и точно определяемую как неоклассическая модель фирмы. Однако, двигаясь по данному направлению и, возможно, в большей степени полагаясь на интуицию, нежели на формальную логику, можно, в конечном счете, углубить исходную абстракцию и получить возможность решения более сложных экономических проблем.

2. Сопоставление дисциплинарных подходов к анализу действия

Для экономической науки традиционна ситуативная концепция поведения, в рамках которой полагается, что, во-первых, поведение определяется ситуацией, в которой оказывается субъект, во-вторых, в любой ситуации субъект действует наилучшим образом. Действующий субъект – индивид – является активным началом в модели, его способность действовать рационально определяет каждое последующее состояние моделируемой ситуации.

В функциональном представлении рациональность, то есть способность действовать наилучшим образом, является исходной постоянной модели, а в роли единственной переменной выступает ситуация выбора. Конечно же, эта единственная переменная может быть сложным агрегатом, состоящим из множества переменных, детализированное рассмотрение которых будет отвечать задачам более глубокого анализа, но в

* © Д.Я. Новгородцев, И.С. Пыжев, Красноярский государственный университет, 2006.

концептуальном плане все множество может быть объединено емким, хоть и условным понятием «ситуация». Справедливости ради стоит отметить и то, что сколь скрупулезным бы не был экономический анализ в его традиционной версии, характеристика ситуации сводится лишь к текущим значениям цен.

Действующее лицо в традиционной социологической модели – антипод экономическому индивиду. Человек в социологии зажат в тиски необходимости, вынужден действовать по заведенным до него правилам. С другой стороны, такая ситуация облегчает процесс моделирования, так как изначально известно какую систему действий (шлейф) повлечет каждая возможная позиция социологической структуры. Вместе с тем социологическая функция поведения сложнее, так как она включает не одну, а комплекс переменных. Тем не менее весь комплекс может быть приведен к двум базовым поведенческим детерминантам: культуре и структуре. Культура в самом общем смысле означает включенность в универсум общего знания [6]. Структура наделяет действующего местоположением относительно ресурсов и, как следствие, относительно других действующих. Культурой и структурой представлена среда социологической модели. Ее рефлексия и функционирование, тем не менее, не может быть осуществлена в отсутствии действующих лиц, причастных ей. Причастность к социальной культуре и структуре находит свое обоснование в аксеологических категориях «ценность» и «норма». Ценность – это отображение культуры на действующем лице, а в системе норм отображается структура.

Прежде чем приступить к разработке ценностно-нормативного подхода к анализу экономического действия, выдвинем, в качестве ориентира, сначала одну гипотезу критического толка – общее утверждение о том, что исследование сетевых структур не может основываться лишь на предпосылках индивидуалистских поведенческих концепций. Рассматривая последние можно заметить, что в них отсутствует целевой горизонт, то есть предполагается ориентация на выгоду, но насколько отдаленную не известно. Поэтому можно предположить, что в центре анализа находится сиюминутная выгода, то есть такая, которая является результатом каждого акта действия индивида. Это позволяет прийти к выводу, что действия дискретны, то есть не связаны одно с другим. Вместе с тем действия в сети, напротив, подразумевают некоторую степень согласованности, а целевой горизонт отодвинут и явно не определен и, в силу своей размытости, приобретает аксеологическое значение. В сетевой концепции целевая функция действия должна быть замещена нормативно-ценностной ориентацией. Это означает, что акторы будут причастны сети в той степени, в которой они будут разделять ее ценности и действовать согласно заведенному в ней порядку.

И здесь находится место позитивной гипотезе – общему утверждению о том, что экономическое исследование сетевых структур должно вобрать в себя нормативно-ценностный категорийный аппарат социологии, предмет который помещается в рамки рационального обоснования. В этом положении и заключается экономико-социологический синтез: социологическая модель поведения в приложении к экономическим отношениям осмысливается с экономических позиций.

3. Дискуссии вокруг феномена сетевой организации

Не все направления экономической науки стоят на позициях крайнего утилитаризма. Так, базовым элементом институциональной среды, представителями неоинституционализма, признается укорененное в социологии понятие «норма», а в экономическом анализе координационных структур используется категория «ценность», имеющая не одномерно-экономическое значение возможного синонима «стоимость», а предполагающая многомерность мироощущения культурно-структурного феномена.

Так, представитель теории соглашений Л. Тевено проводит исследование организации с точки зрения комплексности ценностных установок, объединенных и скоординированных в ее рамках [5]. Он рассматривает три аксеологических агрегата, координирующих деятельность экономических агентов: рыночный, индустриальный и домашний. Каждому из них соответствуют свои поведенческие установки и ориентации на результат. Данные различия проявляют себя в пространственно-временном соотношении. Так, для рыночной координации характерна ориентация на текущий результат, и время редуцируется к настоящему, тогда как для индустриального способа координации значение имеет протяженность временной перспективы, ввиду ориентации на долгосрочный инвестиционный процесс, как необходимого условия производственной деятельности. Конкретно-практическое проявление временной ориентации – извечный спор инженеров и маркетологов: первые стремятся подстроить деятельность организации под относительно-фиксированные параметры оптимизированного производственного процесса; вторые – под постоянно меняющиеся потребности рыночного спроса. М. Аоки [1] производит детальный анализ различий индустриальной и рыночной координации, но уже в пространственном измерении ресурсной аллокативности. В частности, он рассматривает систему организации японской фирмы, существующей в контексте межфирменных связей (кейретсу) на основе канбана – рыночного заказа, корректирующего уровни запасов деталей, агрегатов и производственных мощностей на протяжении всей мультифирменной производственной цепочки. Японские кейретсу можно рассматривать как эффективный симбиоз соглашений (координаций) Л. Тевено, не только индустриальной и рыночной, но и домашней. Последнее соглашение предполагает особый набор ценностных установок, также хорошо вписывающихся в пространственно-временные рамки, и поэтому может быть сопоставлено с рыночной и индустриальной системами в декартовых координатах. Домашний порядок обоснования ценности строится на доверительности, включающей три компонента: те же составляющие времени (пред-

шествующий опыт) и пространства (локальная близость), кроме того, иерархическую составляющую (авторитет) [5].

У. Пауэлл и Л. Смит-Дор определяют место сетевой концепции среди культурно-детерминистских и индивидуалистических подходов [4]. В их интерпретации сеть рассматривается как контекстуальные рамки, в которых функционируют экономически рациональные индивиды. Сетевая структура в этом случае рассматривается не только как система ограничений, но и как источник возможностей, поддерживающий дополнительные каналы связи, обеспечивающие не только личностные потоки коммуникаций, но вместе с этим (попутно) и функциональные. Далее авторы делают обзор четырех направлений сетевых исследований, каждое из которых закрепляет за сетями отдельный ресурс. Первое из них построено на том, что принадлежность к сети открывает доступ к информации относительно возможных мест занятости, направлений мобилизации ресурсов, а также способствует диффузии организационных практик и институтов. Второе направление рассматривает сети как источник власти, основанной на сговоре акторов. Третье видит источник интенсификации коммуникативных потоков в неформальных сетях организации. И, наконец, четвертое направление проявляет заинтересованность в исследованиях сетевого аспекта межфирменной кооперации, преимущества которой реализуются по комплексу источников первых трех направлений и основываются на создании внутрисетевых доверительных отношений.

М. Грановеттер исследует проблему укорененности экономического поведения в структуре социальных отношений [3]. При этом он отталкивается от двух противоположных позиций: экономического утилитаризма и социологического детерминизма, одновременно с этим упрекая обе в том, что они исходят из атомизированного видения субъекта поведения. Атомизация первых заключается в принятии двух максим поведения: ориентация исключительно на свой интерес и гиперрациональность. Всевозможные детерминанты поведения интерпретируются как результат рационального выбора, таким образом, происходит интернализация социально значимых феноменов в корпус экономического знания и, как следствие, снимается социальная проблематика отношений хозяйствующих субъектов. Данная позиция характерна и для представителей неонституционализма с их рационалистической интерпретацией институтов всех мастей, как легитимизированных, так и закрепленных в социальном контексте.

Исходной предпосылкой атомизации социологов-функционалистов является безусловная подчиненность акторов общепринятым нормам до такой степени, что в поведении действующих они отказываются признавать наличие хоть малейшего люфта разумной свободы. Все, как будто сговорившись, действуют согласно предписаниям статичной системы поведения, ориентируясь на заданные ценности, играя по определенным извне правилам. Пафос сложившейся ситуации в социальных науках состоит в том, что индивидуалистической модели поведения сверхразумных существ противостоит модель стадного поведения абсолютно покорных особей. Грановеттер стремится занять срединное положение, не абсолютизируя роли институтов, он смягчает социальную структуру и укореняет в ней экономическое действие. Его эксперимент по примирению непримиримых удастся только потому, что он намеренно высвобождает акторов (вместе с их хозяйственной жизнью) из-под гнета абсолютных детерминант и переносит их в сетевое пространство эластичных отношений обыденной жизни.

В рамках своей концепции Грановеттер дискутирует с Уильямсоном. Уильямсон придерживается дуалистической концепции, согласно которой все трансакционное пространство распределено на сферы, где господствует свободная контрактация, реализуемая по средствам рынков, и управляемая контрактация иерархических структур [7]. Институциональная среда формируется из социального контекста под обеспечение непрерывности трансакций и, таким образом, служит процессу контрактации, находясь в подчиненном состоянии. Грановеттер переворачивает концепцию «рынков-иерархий». Социальные отношения укоренены в хозяйственной жизни настолько, что их переплетений не удастся миновать ни одной трансакции. Таким образом, ни о каких чистых формах говорить не приходится. Все глобальное трансакционное пространство окутано сетью социальных отношений, которые доминируют и управляют экономическими действиями. Дуализму Уильямсона Грановеттер противопоставляет социально-сетевой монизм. Он утверждает, что его социология не является разновидностью оптимистического функционализма. Своим сетевым структурам Грановеттер не приписывает свойств панацеи от всех контрактных проблем. Напротив, речь идет о продуцирующей роли сетей в создании трансакционных проблем: во-первых, усиление сетевого доверия усыпляет бдительность, во-вторых, сети ассоциируют с монопольной властью и даже мафиозными синдикатами. Сетевая организация нелегального сектора экономики обеспечивает его живучесть. Несомненно, положительный момент состоит в том, что на этом же качестве может быть организован бизнес легального сектора, который сможет конкурировать с нелегальной его стороной.

4. Принципы сетевой организации

Основа осуществления трансакций – это взаимность. Взаимностью характеризуются отношения, в том числе трансакции, при которых взаимонаправленные потоки благ имеют схожие субъективные оценки сторон и уравнивают друг друга. Возникает закономерный вопрос – является ли поведение контрагентов имманентно ориентированным на взаимность? Допустим, что, по крайней мере, не всегда, и это создает си-

туацию общего риска – риск неблагоприятного отбора и моральный риск – того же рода. Наша гипотеза состоит в том, что дефицит трансакционной взаимности может быть компенсирован действием нормогенерирующих сетей.

Рассмотрим структуру нормы. Во-первых, это атрибуты или признаки тех, кто подпадает под действие нормы. Во-вторых, это степень императивности нормы, которая может быть обязывающей или носить рекомендательный характер. В-третьих, это условия, при которых действует норма. И, в-четвертых, это цель или, скорее, ценностная установка, на которую действие нормы направлено. Очевидно, что при отсутствии эффективного механизма принуждения к исполнению норма не будет действовать. Роль данных механизмов исполняют законодательные или социальные рычаги воздействия. В первом случае говорят о санкциях, во втором – об остракизме.

Норма, в первую очередь, это регулярность в поведении и, во вторую очередь, детерминанта поведения. Таким образом, она и следствие и причина поведения и, можно сказать, есть само поведение. Онтологический анализ нормы закрепляет за ней высокое значение быть основой сознания, хотя бы на том основании, что язык – норма высшего порядка. Нормы создают смыслы бытия, формируют единство сущего.

Аксеологическая сторона нормы характеризуется множественностью оснований – ценностей, что определяет многоуровневость или параллельность нормативных миров. Природа подобной многоуровневости лежит в многоаспектной организации человеческого социума. Каждый человек потому является носителем уникального динамического кода (габитуса), формируемого воспитанием, обучением, социально активной деятельностью. В силу этого каждый человек – носитель уникального кода – испытывает дефицит связи. Сущность дефицита заключается в том, что различные коды продуцируют различные модели поведения. Из этого следует несоответствие реальных действий ожидаемым в отношениях между людьми (в том числе в процессе трансакций). Иными словами отношения не взаимны. Сеть, в данном случае, это направление кластеризации и унификации многоуровневости миров, действующих на приведение системы их взаимодействия к взаимности. Равномерное распределение поведенческих моделей нормируется, генерируя паттерны – относительно стабильные модели действия, на основе которых и создаются сети.

В экономическом приложении сетевой подход способен на трансформацию, подобную той, что преобразила классическую механику Ньютона и Галилея в физику Эйнштейна. Сетевые структуры искривляют экономическое пространство, представляя собой локальные центры трансакционной (подобно гравитационной) силы, притягивающей экономически значимые ресурсы. Законы классической экономики (теории цен) больше не работают, точнее, приобретают относительный характер, соизмеряясь с сетевыми закономерностями. Цены проявляют себя на столько, на сколько это им позволяет сетевая структура экономических отношений. Это означает, что чисто рыночные трансакции (если такие существуют), то есть те, которые лишены всякой предыстории отношений, возникают только тогда, когда сетевая структура не может предложить альтернативного экономически более привлекательного варианта ее реализации. В противном случае ни одна трансакция не сможет покинуть сетевой структуры. Вместе с тем любая рыночная связь (трансакция), реализованная единожды, становится элементом сетевой структуры в том смысле, что, будучи реплицированной, будет иметь предысторию отношений и, следовательно, выступать уже в сетевом качестве.

Главный принцип существования сетей – это репликация связей, величина ее интенсивности, имеет неоднозначную корреляцию с величиной эффективности. С одной стороны, Грановеттер [3] подмечает силу слабых связей при трудоустройстве. Его довод понятен: вероятность совпадения круга знакомых двух акторов тем больше, чем сильнее (интенсивнее) отношения между ними. С этим нельзя не согласиться, но только при определенном аспекте рассмотрения ситуации, когда сети рассматриваются как источники информации и средства ее диффузии. С другой стороны, аргумент Грановеттера не будет работать, и эффективность будет когерентна интенсивности в ситуации, когда мы будем рассматривать сети как источники доверительных взаимоотношений. Кажется самоочевидным, что чем больше опыта имеют люди во взаимоотношениях между собой, тем больше их доверие друг к другу. И здесь важную роль играет не только морально-этический сдерживающий фактор, но и вполне корыстный интерес в сохранении существующей, как правило, обоюдовыгодной связи. Выгода от долго существующей связи может быть выражена категорией социального капитала [2], формирование которого осуществляется путем инвестирования в отношения, процесс которого может быть разной интенсивности. В этом случае и относительную эффективность распространения информации по средствам слабых связей можно поставить под сомнение, так как капитализация слабых и далеких связей значительно ниже, и потому они могут дать сбой в форме отказа от содействия или умышленной дезинформации. В любом случае надо признать силу аргумента Грановеттера в том, что охват слабых связей сети может в разы превышать охват сильных связей. Одновременно с этим необходимо принять положение о том, что сильные связи более капитализированы и, как следствие, реже дают сбои.

Концептуализируем все сказанное в двух принципах сетевой организации. Первый принцип в утилитаристском духе можно сформулировать так: при прочих равных условиях всегда будет предпочитаться существующая связь, связи, которую предстоит создать. Второй принцип конкретизирует сетевые основания: не сама по себе интенсивность использования отдельной связи создает поддержку дальнейшим трансакциям, а установленная в ходе многократного взаимодействия субсвязь неформальных социальных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аоки М. Фирма в японской экономике / М. Аоки. – СПб.: Лениздат, 1995.
2. Бурдьё П. Формы капитала / П. Бурдьё // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004.
3. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности / М. Грановеттер // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004.
4. Пауэлл У. Сети и хозяйственная жизнь / У. Пауэлл, Л. Смит-Дор // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004.
5. Тевено Л. Организационная комплексность: конвенции координации и композиция экономических образований / Л. Тевено // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004.
6. Терборн Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческая деятельность: объяснение в социологии и социальной науке / Г. Терборн // THESIS. – 1994. – Вып.4.
7. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки и отношенческая контрактация / О. Уильямсон. – СПб.: Лениздат, 1996.